

В.А. АДЮШЕВ

(Тезисы)

Введение

Никто так и не ответил автору на этот вопрос. Лаконично, емко и по сути. Как будто ответ намеренно замалчивается, как если бы на него было наложено табу. Как будто он настолько неприглядный для ожидаемо возвышенного, что низвергается вплоть до нецензурного. Для кого-то, собственно, и сам вопрос из категории настолько нецензурных, что даже мысль об ответе на него — сущая непристойность. Просто уникальный случай, когда познание откровенно признается грешным занятием! Но если знание отвратно, то что приходит на его святое место? Очевидная альтернатива — вера. Проблема, однако, в том, что даже идущая от сердца искренняя вера — субъективна, и потому выискивать в ней объективный ответ, разумеется, совершенно бессмысленно.

Между тем недооценивать буквально злободневность вопроса было бы весьма опрометчивым. Трагизм его неразрешенности состоит в том, что оставаясь в тени непознанного, заключенное в вопросе явление, призванное объединять, становится причиной глубокого разобщения, о чем свидетельствуют частые вспышки священных баталий (холиваров): от жарких непримиримых дискуссий за столом или в виртуальной реальности до вооруженных кровопролитных конфликтов. Получается, чураясь зла невинного в познании, мы порождаем зло неизмеримо большее.

Впрочем, не следует понимать превратно: вера сама по себе не несет зла, по крайней мере, когда она не подменяет насущное знание и не препятствует ему. Более того, вера возможна как предтеча просвещения. Автор ведь тоже верил в единый и универсальный ответ, следуя своей фамилии (от имени Авдей с древнееврейского «служащий Богу»), и вера в итоге, как кажется, подвела его к нему.

Данный опус не претендует на оригинальность или научность, поскольку автор не является специалистом в области, предмет которой обсуждается ниже. Более того, пишущий эти строки не обладает достаточной эрудицией, чтобы даже оценить степень наивности или серьезности своих суждений. В частности, именно потому в опусе отсутствует свойственный научным трудам обзор работ иных авторов по обсуждаемой теме, на фоне которых вездливый «грешник» мог бы высветить свою новизну.

В то же время автор вполне осознает, что излагаемые им мысли не являются продуктом великого спонтанного откровения из чистого воздуха, к тому же признает, что своей оформленностью они во многом обязаны знакомству автора с работами известных психоаналитиков, ярких представителей экзистенциализма: З. Фрейда, Э. Фромма, А. Адлера, но, главным образом, создателя аналитической психологии, К.Г. Юнга, который, если можно так выразиться, неявно подсказал их. Интересно, что сам Юнг как исследователь религий, по мнению автора, был очень близок к откровению.

По изложению трактат представлен как свод лаконичных определений фундаментальных экзистенциальных связанных между собой понятий без какой-либо изысканной аргументации. Все они восходят к одному центральному, что описывает то мистическое явление, которое уже веками явно и живо будоражит умы людей, однако так до сих пор и не сформировало к себе единого отношения. Между тем оно имеет настолько важное мировоззренческое значение, что каждый человек, экзаменуемый на зрелость, считает себя просто обязанным хотя бы раз официально выразить свою личную позицию и ответить на тот самый извечный вопрос: что есть это явление? Что есть Бог?

Наводящие вопросы

Пересмотреть этот вопрос и выйти из плоскости традиционных ответов на него автора побудил иной: возможен ли вообще Бог без человека? Если да, то возникает следующий, уже риторический вопрос: каков тогда Его смысл и назначение? Если нет, то выходит, что человек является Его необходимым условием. Кто-то увидит в этом буквально принижение Его роли, хотя это не так. Конечно, получается, что Бог уже не над человеком и Он не автономен. Тем не менее, нетрадиционный взгляд, как это ни покажется странным, совершенно не умаляет Его значимости. К тому же, она становится еще более ясной и более величественной. Человек, как и в ортодоксальном воззрении, остается творением Божьим. Бог создал и продолжает создавать человека, в то время как последний, впрочем, иницирует Творца.

В написании опуса автор также исходил из безусловного для него убеждения, что Бог является объективной и повседневной реальностью человека, суть которой, однако, оказывается трудно достигаемой вследствие Его самых разнообразных проявлений. Например, частным (но очень важным) проявлением Бога является любовь. Причем в широком смысле этого слова. Как то

любовь сексуальная или духовная, к себе или другому, к представителю противоположного пола или просто другу, к жизни или работе. Даже в любви Он разный. Найдите общее в частном, и вы поймете, что есть любовь. В то время как именно через любовь познается Он.

Исполненный любовью знаком с Богом и, казалось бы, если каждый когда-то имел опыт любви, так в чем же проблема? Знание любви — грандиозное и потрясающее откровение, которое непреложно ведет к знанию Бога. Однако проблема-то как раз состоит в том, что далеко не каждый переживший любовь знает, что это такое.

Когда мы говорим о любви, мы фактически обращаемся к своему личному опыту, в котором любовь открылась нам явно. Мы говорим не о сути предмета, а о том каков он может быть в тех или иных условиях, в контексте собственного индивидуального опыта. Невзрачную прозу мы облачаем поэтическим слогом, за которым, собственно, и оказывается сокрыт смысл любви. Истину мы подменяем правдой, которая у каждого своя.

А смысл прост и выражается всего одним односложным предложением. Живая мысль, сформулированная мертвым языком. Все остальное в многостраничном опусе — лишь ее толкование.

Незыблемое понятие

Познание изменяет восприятие мира. Познание исторично, поэтому современники воспринимают окружающий мир иначе, нежели их предки. Вместе с тем каждое новое поколение, как и каждый его представитель в отдельности, в процессе становления повторяет этапы развития всего человечества, перенимая опыт предыдущих поколений, последним из которых является поколение родителей. Достижение зрелости уже предполагает способность к ветхому восприятию мира, однако в то же время является отправной точкой для дальнейшего развития, ведущего к изменению понимания реальности.

С каждым днем мы смотрим на мир по-новому: он динамичен, он развивается, и мы пытаемся поспевать за ним. Тем не менее, некоторые объекты этого мира, даже суперэкзистенциального порядка, для нас по-прежнему остаются в архаичной обертке. И Земля уже не плоская, и мир не центричен, и гравитация не притяжение, но незыблемым остается такое фундаментальное понятие как Бог. Почему?

Верят, когда не знают

Понятие Бога зиждется на Его восприятии. Между тем восприятие Бога разнообразно. Бог — это образ, личность, суперличность, природа, суперприрода и так далее. Что в этом современного? Неужели предки думали иначе? Разнообразие восприятий (а потому и пониманий) Бога фактически свидетельствует о Его незнании, что как раз объясняет, почему в Него верят. Впрочем, верить можно как в то, что Бог существует (точка зрения ортодоксально верующих), так и в то, что Его нет (точка зрения атеистов). Интересно, ведь получается, что и атеисты — тоже верующие.

Верят, когда не знают. Вывод этот, вообще говоря, эмоционально не окрашен. В этом нет ничего предвзятого. Небесные механики, например, говорят: астероид столкнется с Землей с вероятностью 5 процентов. Они не знают, столкнется ли вообще астероид с Землей или нет, но верят, что столкнется с вероятностью 5 процентов, и верят, что не столкнется с вероятностью 95 процентов. Для этого у них есть соответствующий математический аппарат, а именно теория веры, которую официально принято называть теорией вероятностей. Небесные механики осознанно признают свое незнание, поскольку наблюдения астероида не дают точной информации о его текущем движении, а потому не гарантируют точный прогноз. Они признают свое незнание, и потому могут только верить в исход события.

Ортодоксально верующие бы в таком случае помпезно заключили: на то воля Божия! Однако не нужно приписывать Богу то, что находится в компетенции природы. Действительно, ведь любая случайность, которая имеет свою вероятность и в которую, кстати, можно верить, является не чем иным, как наложением многочисленных мелких природных закономерностей, которые просто практически невозможно уловить.

В любой динамической системе случайные процессы, которые налагаются на «видимые» закономерности, воспринимаются как проявление некой иррациональности или спонтанного надприродного (хотя и неясного) умысла, что обычно воспринимается как свойственное нечто живому (хотя и скрытому), и потому кажется, что система живет своею жизнью (хотя и непонятно, каков ее смысл). Если человек окунается в подобную систему или конгломерат многочисленных подобных систем, он буквально везде и всюду будет находить подтверждение существования надприродного или сверхприродного,

что в действительности является не чем иным, как игрой случайностей. Но даже если ортодоксально верующие отводят Богу такую роль, не слишком ли она мелочная для Него?

Давайте определимся

Если проблема понимания Бога лишь в отсутствии Его определения, так в чем же дело? Почему бы не сформулировать это определение? Некоторые возразят: определение не является точным описанием. Банальная очевидность: определение не описывает точно; не в этом его назначение. Оно лишь высвечивает общие и главные черты своего явления (или предмета), с тем чтобы идентифицировать (выявлять) его среди других явлений (или предметов). В то же время ясное определение Бога позволяет увидеть, насколько Он величественен, многообразен и вездесущ.

Очевидно, что общее определение должно претендовать на принятие его каждым, т.е. вне зависимости от пола, образования, социального положения, вероисповедания, национальности. Для этого оно должно вбирать в себя универсальный опыт общения с Богом как с явлением общедоступным и общеосязаемым, пусть даже если оно выдается за нечто иное, не имеющее к Богу никакого отношения.

Разумеется, даже если определение адекватно и полно отражает объективную реальность, еще вовсе нет никаких оснований ожидать, что оно будет принято всеми. У людей ведь на то могут быть свои взгляды и предпочтения, убеждения и заблуждения, симпатии и неприязни. Коллективные ли, личные ли. Все это, безусловно, находит свое выражение в многочисленных конфессиях (собственно, как и в атеизме), которые хоть и претендуют на универсальность, но в то же время прибегают к частным дефинициям, понимаемым только кругом «посвященных», от малой группы до целой нации. Потому автор не питает особых надежд на то, что опус может быть принят широкой публикой.

Дело не в том, что мысль автора будет непонятой. Как раз напротив, предлагаемое определение Бога вполне осязуемо для каждого, поскольку оно апеллирует к общеизвестному переживанию. Однако, ввиду несомненной ясности и простоты, оно в то же время оказывается абсолютно невписываемым в любой уже принятый и устоявшийся конгломерат экзистенциальных и

жизненно важных понятий, смутных и замысловатых, потому как подкрепляемых только верой. Втиснуть альтернативное определение в этот конгломерат просто невозможно без ощутимого и весьма болезненного ущерба для последнего. Впрочем, стоит ли вообще это делать, если псевдосистема вполне справляется со своей обслуживающей мировоззренческой функцией, и отвечает на все насущные вопросы?

Что есть Бог

Атеисты утверждают: Бога нет. Верующие настаивают: Бог есть. Кто прав? Атеисты неправы уже по той причине, что они не учитывают очевидный факт: если Бога нет, то и самого понятия Бога никогда бы не было. В нем просто не было бы нужды. Слово не появляется без надобности. Оно назначается и закрепляется за вполне определенным явлением (или предметом) человеческой реальности. Значит, правы верующие? Тоже нет. Почему? Потому что они прибегают к образу. Не важно, оформлен он или аморфен, материален или духовен. Образ или некую субстанцию имеют в виду и атеисты. Однако ни верующие, ни уж тем более их оппоненты, никто из них воочию этот образ никогда не видел. Никто не слышал его глас, никто явно не чувствовал его прикосновение.

Если неправы ни те, ни другие, то отрицание положений верующих и атеистов неизбежно приводит к утверждению: Бог действительно есть, но Он не образ, не предмет, не форма, не личность или сверхличность. Так что же? Возможно, мы должны искать Его в иных категориях? Подобные вопросы подводят к главной констатации опуса.

Бог — это действие. Не любое, но действие к соединению. Бог — это синтез, по крайней мере, двух сущностей, в результате чего рождается новая третья. Бог — это акт рождения нового и уникального, акт рождения Иисуса.

Deus est nativitate Christi ut synthesis homo et natura.

Именно Иисус осязаем и понятен нам как нечто божественное, от Бога, сын Божий. Через рождение Христа мы познаем Его. Он не во Христе, но в его рождении. Хотя желание людей буквально прикоснуться к божественному неизбежно приводит к ложному исканию Бога в его сыне. Отчего и возникает путаница понятий, и неправильное толкование Творца. Иисус материален, тогда как Бог нет, но материю преобразующий.

Синтез двух сущностей и его результат выражается простой арифметической формулой: $1 + 2 = 3$. Первая сущность — это человек (внутренний мир); вторая — природа, в том числе и другой человек (внешний мир); третья — Иисус. Роль Бога в этой формуле очевидна. Он — бинарная операция сущностей, которая символично предстает как священный крест.

Присутствие человека как первой сущности в синтезе обязательно. Иной синтез объясняют законы природы, и Бога в нем нет. Именно с появлением человека появляется Бог, поскольку инициатива к синтезу проявляется именно со стороны человека как первой сущности. Человек — Его необходимость, однако и Он, как синтез с природой, — необходимое условие человека. В этом смысле Бог действительно создал человека и продолжает создавать его. Однако и последний, в свою очередь, перманентно иницирует первого.

Осязаемый пример арифметической формулы $1 + 2 = 3$ — мастер (художник) + материал (глина) = произведение (скульптура). Фактически к этому примеру может быть сведен любой другой. Как видно, творчество — это именно то главное, что присуще божественному промыслу как синтезу сущностей, человека и природы.

Такая концепция Бога с очевидностью отрицает Его троичность Отец–Сын–Святой Дух. Бог вообще вне ее. Если Дух рассматривать как идею, исходящую от Отца (человека, первой сущности) и воплощаемую в природе (второй сущности) через Бога, в результате чего рождается Христос (третья сущность), тогда, скорее, Бог — буквально квинтэссенция (от лат. quinta essentia — пятая сущность) в связке Дух–Человек–Бог–Природа–Христос.

Смысл Бога

Почему Бог, как действие к синтезу, необходим человеку? Какая в этом фундаментальная и насущная проблема для него? Человек ограничен в пространстве и, что важно, во времени. Он знает, что смертен, и это довлеет над ним. Насущная проблема как раз состоит в том, чтобы преодолеть свою временную ограниченность. Человек понимает, что его бессмертие физиологически невозможно. Тогда как человек может увековечить себя, свою внутреннюю природу? Очевидно, только путем синтеза с внешней природой, чтобы оставить отпечаток в ней, уносимый в века. Так человек преодолевает не только временную ограниченность, но и, очевидно, пространственную.

Преодоление ограниченности в пространстве является само по себе актом самостоятельным вне зависимости от разрешения ограниченности во времени. Человек желает быть больше, чем он есть в действительности. Он желает чувствовать свое полноценное присутствие в ней как значимая ее часть. Однако это вхождение в мир также возможно только через синтез с ним, через божественное деяние.

Но всегда ли и каждый ли человек испытывает нужду в Боге? Разумеется, нет. Нужда возникает лишь в том случае, когда пространственно-временная ограниченность осознается явно и ясно, когда разрешение конфликта между внутренним и внешним становится жизненно необходимым. Все это приходит с возрастом, определяемым не столько прожитыми годами, сколько чередой пережитых важных судьбоносных обстоятельств. Следовательно, основной контингент, не нуждающийся в Боге, — это дети. Не в смысле физиологической зрелости, но в смысле менталитета.

Пока ребенок не вырван из лона природы в лице своих родителей или иных попечителей, которые обеспечивают ему тихую гавань, чадо не обременено тревогой, вызываемой природной ограниченностью, поэтому объективно у него нет никакой мотивации для обращения к Богу. Между тем нужда в Нем возникает с возрастом, после того как в силу вынужденных обстоятельств живые связи с близкими разрываются и девственная личность впервые знакомится с одиночеством, в котором с очевидностью открывается конечность личности. Тогда то и назревает разлад с внешним миром, который Он, собственно, и разрешает.

По этой причине божественное деяние, в каком бы возрасте оно не совершалось, всегда сопровождается ощущением возвращения в детство, к умиротворению и внутренней гармонии. Благостно ощущение раннего детства, когда не было никакого конфликта, и внутреннее пребывало в гармонии с внешним. Когда, казалось бы, весь внешний мир сквозил внутри нас, и он принадлежал нам, и мы даже не задумывались о том, что есть Бог и зачем Он нужен.

Таким образом, нужда в Боге, в Его познании индивидуально исторична для каждого человека. Если в детстве мы не испытываем потребности в богоискании, то далее насущность неразрешенного вопроса: что есть Бог? — зреет с возрастом.

Мы стремимся к тому, в чем нуждаемся, но чего еще не достигли. Если мы устремлены к Богу, значит, мы нуждаемся в Нем, но Он пока недостижим или непостижим для нас. Получается, богоискание и вера в Бога в действительности является очевидным свидетельством безбожия ищущего. Не ищет же Бога тот, кто либо как дитя еще не нуждается в Нем, либо уже познал Его и живет Им.

Религия

Весьма уместно вспомнить происхождение слова религия: religare от лат. «воссоединяться». Религия — это воссоединение человека с природой. Не с Богом, как принято считать (что, кстати, алогично в контексте предлагаемого Его определения), а с природой-матерью, которая много веков назад отказалась от своего дитя, по-видимому, вследствие его аномального происхождения. Человечество выродилось в малое инородное тело, возможно, как некое генномодифицированное образование в бесконечно целом когда-то гармоничном организме, который по сей день пытается избавиться от этой патологической и ненужной для него части. Именно отторжение природой из своей обители как раз и явилось для человека тем самым обстоятельством осознания своей конечности в огромном отчужденном мире.

Тем не менее, как бы природа не пыталась отвергнуть человека, он неотвратимо все также остается ее частью, и чтобы разрешить этот жизненно важный конфликт с природой, чтобы порой просто выжить в ее среде, человек вынужден вступать во взаимопроникновенный диалог и конструктивное взаимодействие с ней для восстановления утраченных родственных связей.

Природа везде и всюду: это не только природа вне человека, это и все человечество в целом, это и внутренний мир каждого из нас. Диалог с природой естественной возможен и реализуем через научное познание. Ненамеренно суждения подвели нас к весьма обескураживающему выводу: наука по своему назначению и смыслу также является религией, как бы одно не противопоставляли другому.

К настоящему времени наука позволяет нам уже в достаточной мере понимать природу вне человека. Между тем в отношении же к неестественной ее части, социальной и духовной, до сих пор возникают серьезные проблемы, где лобовой естественнонаучный подход не срабатывает, и потому основной

функцией современной ненаучной религии как раз является налаживание диалога человека с аномальным в природном, иначе говоря, с другим человеком и с самим собой. Приведение аномального мира к состоянию гармонии — вот в чем актуальная задача современной религии, хотя глобально она не разрешима в принципе: аномальное никогда не станет нормальным.

Религия как акт творческий тождественна Богу. Что же рождается в религиозном акте? Третья сущность, преобразованная сообразно человеку часть природы. Искусственная природа, продолжающая природу естественную. Культура человека, вне и внутри него, естественная среда его обитания. Транзитивная зона между человеком и природой.

Религия — святое причастие человека к природе. Ни к Богу, ни к Христу, но в Боге и для Христа. Определить ее не сложно. Выполняя свое назначение, она всегда преисполнена счастьем.

Счастье

Природная неполноценность вызывает в человеке гнетущее состояние одиночества, ощущение изолированности от незнакомого ему мира, а, главное, от культуры, важной для человека искусственной составляющей природы, в виду неспособности полноценного взаимодействия с ним. Отсюда и мотивация человека к преодолению своей пространственно-временной ограниченности, к религиозному вхождению в безграничный и вневременной мир, к нуминозному прикосновению к вечности и бесконечности.

Волевая экспансия личности с ее проникновением в мир очевидным образом реализуется через божественный синтез, который непременно сопровождается ощущением духовного высвобождения, что обычно мы называем счастьем. Не сам результат синтеза является счастьем. Оно сопутствует процессу, участвуя в котором, личность настойчиво просачивается в мир и ассимилирует его, когда часть ее становится его частью, и она явно ощущает принятие, понимание и признание им той самой части. Личность будто становится больше на эту часть. Так, происходит ее воплощение в ином, и крошечная когда-то изолированная экосистема уже становится причастной к глобальному всеобъемлющему мирозданию.

Ошибочно считать, что счастье — это хорошее настроение, комфорт, благополучие, независимость или безмятежность. Все это, конечно, может сопут-

ствовать счастью, но в действительности не является определяющим для него. Оно возможно в невзгодах и несвободе, в мучениях и порыве обуреваемой страсти. Счастье ведь, независимо от сопутствующих условий, — это просто ощущение Бога как прямое и осязаемое свидетельство Его присутствия, Его эмпирическое доказательство, это ощущение жизни, величаво входящей в мир. Ощущение восторженное и неповторимое, а потому незабываемое никогда.

Свобода

Божественный синтез позволяет человеку преодолевать пространственно-временные ограничения. Значит ли это, что он ведет к свободе? Действительно, ведь отсутствие ограничений обычно называют свободой. Тем не менее, отождествление свободы с отсутствием несвободы формально вовсе не наделяет ее каким-либо ценным смысловым содержанием. Такая свобода мертва и бесцельна.

Креативная и осмысленная свобода — это как раз то, что необходимо для преодоления ограничений в пространстве и времени. Она выступает как непреложное условие божественного деяния, целью которого является экспансия личности и проникновение ее в мир. В этом смысле свобода там, где разрешается несвобода.

Синтез сущностей предполагает вовлечение в него, как правило, одного единственного человека, ревностно постигающего таинства природы и отстраняющегося от влияния инициатив извне, дабы всецело реализовать именно себя в синтезе. Только предоставленный себе мастер может создать нечто новое в результате иницируемого им синтеза, и свобода для него — не благодатный дар или самоцель, а осознанная и насущная потребность.

Человек, вовлеченный в божественный синтез, один, и он сознательно принимает свободу, чтобы быть наедине с Богом. Погружаясь в Его объятия, человек как первая сущность намеренно обрекает себя на одиночество. Это неминуемая судьба любого творца. Другой ли без побуждения на созидание может разделить и принять ее? Другому ли вообще нужна такая свобода даже при всем ее возвышенном значении? Другой ли в состоянии пуститься в одиночное плавание?

Разумеется, несвобода гнетет, и люди готовы самоотверженно бороться за свободу. Однако фактически они действуют не столько за свободу, сколько против несвободы, и абсолютно не задумываются о том, в чем, собственно, назначение и ценность свободы, за которую они якобы ратуют. Поэтому, когда препоны сняты, поборники часто оказываются в полной растерянности: что же дальше, какой от этой обретенной свободы особый прок?

Культура и несвобода

Если продуктивная свобода проявляется и возможна лишь в преодолении реакционной несвободы, то почему несвободу мы наделяем столь негативным смыслом? Действительно. Более того, она является привычным, порой вовсе незаметным, атрибутом нашей повседневной реальности. Речь здесь даже не о физиологическом пространственно-временном ограничении.

Дело в том, что каждый из нас, все мы с рождения погружены в ту самую пресловутую матрицу, которая подспудно или явно, но как бы то ни было неотъемлемо регламентирует и предопределяет нашу жизнь. Эта глобально подчиняющая себе матрица называется культурой.

Культура — естественная среда обитания человека; искусственная природа, возделываемая тем же человеком из природы натуральной. Остов культуры составляют ее так называемые ценности, которые по сути являются создаваемыми человеком третьими сущностями. Заметим, что не только предметы искусства в обычном понимании могут быть культурными ценностями. Большая их часть — это обычные люди. Действительно, ведь каждый из нас есть третья сущность. Каждый из нас уникален. Каждый человек — Иисус. По меньшей мере, именно такую абсолютную и безусловную ценность видят родители в своем чаде, поскольку он — созданная и возделанная ими священная третья сущность.

В силу своей инертности культурная среда, как правило, не совместима со спонтанной деятельностью локально погруженного в нее человека, в большей или меньшей степени. Строго говоря, человеку деятельному не свойственно культурное поведение. Однако именно такое поведение навлекает на человека ответную реакцию культурной среды, ее сопротивление, что воспринимается как несвобода.

Есть три способа разрешить несоответствие между человеком и культурой. Первый — вандализм. Примитивный, наивный и бессмысленный. Очевидно, ведь совершенно абсурдно уничтожать среду, в которой обитаешь, и которая является необходимым условием твоего существования. Более того, такой способ оказывается еще более парадоксальным, так как бессмертие, реализуемое человеком как продолжение индивидуального *in natura*, возможно *de facto* именно в матрице, в искусственной природе. Однако деструкция не ведет к бессмертию, как руины не несут в себе ничего индивидуального.

Другой способ — конформистский, иначе говоря, уподобление культурной среде и выработка так называемого культурного поведения внутри нее, т.е. в соответствии с ее ожиданиями. Человек становится частью культуры, а через нее и глобального мира. Но столь ли значима эта часть? Ведь с вхождением в культурную среду и последующим растворением в ней человек неотвратимо теряет свою индивидуальность и ценность, оттого конформизму обычно придают негативный оттенок.

Тем не менее, примечательное в конформизме то, что для максимальной и безболезненной адаптации к культуре необходимы ее детальное изучение и проникновенное понимание, чему, кстати, способствуют институты образования различного уровня, в чем их, собственно, и назначение. Если индивидуальность не претерпевает полного поглощения культурой, то далее для разрешения несоответствия первая начинает уже трансформировать последнюю под себя. Так, продолжение позитивного конформизма приводит к качественно иному способу общения с культурой.

Итак, третий способ — конструктивный и созидательный, и явно сопряжен с божественным промыслом. Он предполагает возделывание человеком собственной локальной транзитивной (буферной) среды внутри культурной, т.е. создание условий сообразных деятельному человеку. Разумеется, что успех этого предприятия сопутствует тому, кто приобщен к культурной среде, кто знает ее изнутри, для кого она своя. Но в то же время кто вне ее и всецело не отвечает ее ожиданиям. Потому судьба творческого человека всегда весьма сложная, поскольку его личность — культурная и некультурная одновременно. При этом сам творческий человек, как уже отмечалось, обычно склонен к некультурному поведению.

Культивирование транзитивной среды, приватной миникультуры, непременно ведет к расширению глобального культурного пространства, которое само является транзитивным подпространством между человеком и природой. Творческая индивидуальность привносит нечто новое в мир человеческой реальности и тем самым продолжает его. К слову, развитие культуры — это именно ее качественное продолжение в результате интегрирования в нее инородной приватной культуры, а не просто расширение вследствие копирования и повторения.

Транзитивная среда становится частью инертной культуры, а потому только временно снимает проблему несвободы для деятельного и мобильного человека. Следовательно, разрешение несоответствия между человеком и культурой процесс перманентный и несвобода в культурной среде не преодолима в принципе.

Собственно, ничего драматичного в этом нет. Ведь конструктивное преодоление несвободы ведет к развитию не только культуры, но и самого человека, который, кстати, и сам является частью культуры. Таким образом, как бы это не звучало парадоксальным, несвобода для деятельного человека должна быть желанной и с необходимостью всегда присутствовать в его жизни.

Займемся любовью

Синтез всегда предполагает познание человеком второй сущности: предмета, объекта или субъекта. Даже без предварительного элементарного знакомства со второй сущностью синтез, очевидно, невозможен. Познание человека второй сущности с целью предполагаемого синтеза с ней есть не что иное, как amor simplex, любовь. Не важно, любовь ли это к неодушевленному объекту или человеку. Та самая любовь, сближающая человека со второй сущностью до интимного соприкосновения, после которого начинается грандиозный синтез.

Часто сама любовь отождествляется с Богом. Не удивительно, ведь и познание есть синтез, который венчается пониманием. Тем не менее, любовь и Бог — не тождественны. Бог не исчерпывается любовью, однако любовь как действие познания есть Бог, она — одно из Его проявлений. Особенность божественной роли любви состоит в том, что ее синтез происходит не столько во внешнем мире, сколько во внутреннем, когда в качестве второй сущно-

сти выступает воспринимаемый и вызывающий к себе интерес объект или субъект познания, тогда как в качестве третьей — понимание, безусловно необходимое для последующего исполнения синтеза сущностей познающей и познаваемой во внешнем мире.

Почему объект любви наделяется безусловной ценностью и приковывает к себе пристальное внимание? Первая сущность видит во второй, прежде всего, себя. Точнее, неожиданно открытую и непознанную ею поразительно привлекательную часть себя в ином, что уже не является чужим и, более того, потенциально рассматривается как всецело свое, как продолжение первой сущности в теле второй.

Открытие себя в ином — потрясающее событие, сравнимое, пожалуй, с новым рождением. Хотя именно это знаменательное событие ввергает личность в состояние болезненной неполноценности, поскольку она становится фрагментарной и несвязанной: самая важная и ценная на тот момент ее часть оказывается словно отнятой от нее. Почему и возникает необходимость в синтезе первой сущности со второй. Необходимость в живой религии, способной восстановить целостность личности, но уже не прежней, что примечательно, а значительно обновленной.

Интимный и глубинный диалог с природой также неожиданно пробуждает в человеке ранее неизвестные ему внутренние потенциалы, которые на тот момент призваны лишь только с целью по возможности ускорить сближение сущностей. Как новорожденные возможности первой сущности они сами становятся третьей сущностью, однако уже как результат иного синтеза внутри текущего между познанной внутренней природой человека и непознанной. Таким образом, любовь — это не только познание второй сущности, но и самого себя. Любовь ко второй сущности всегда возвращается к первой, к тому, кем она была проявлена.

Любовь к себе может показаться побочным эффектом божественного промысла, поскольку изначально в синтезе сущностей она никогда прямо не предусматривается. Тем не менее, любовь к себе как самопознание и мотивация к ней, вообще говоря, присущи каждому, и даже если побуждающая причина скрыта, то это, очевидно, совершенно не должно умалять значимость следствия. Порой вовсе сложно определить, какая любовь имеет первостепенное значение для человека: к себе или иному, к внутреннему или

внешнему. Скорее правильнее было бы считать, что они обе равноценны. Первая реализует экспансию личности во внутреннем мире, вторая — во внешнем.

Начало синтеза сущностей, разумеется, не предполагает конец любви, как и не предполагает исчерпывающего знания второй сущности. Любовь продолжается и усиливает синтез. Она как бы подогревает, подпитывает и подстегивает его. Между тем однозначно можно говорить, что синтез завершается уже без любви. К тому моменту любовь исчерпывает себя, поскольку того знания, которое было приобретено о второй сущности, оказывается вполне достаточным для полноценной реализации божественного промысла.

Любовь рано или поздно заканчивается, когда вторая сущность (или только часть ее, достаточная для синтеза) познана полностью. Стоит, правда, отметить, что теоретически познание может продолжаться вечно, если вторая сущность изменчива, причем не столько ее спонтанная природа, сколько ее восприятие в глазах первой сущности. Даже если природа второй сущности статична, ее углубленное и ревностное познавание первой сущностью способно открывать в ней для исследователя все новое и новое притягательно непознанное, чем пребывающая в метаморфозах вторая сущность может влюблять в себя снова и снова.

Влюбленность или любовь поверхностная

Так или иначе, смысл любви как познания — это пробуждение Бога во внешнем мире, побуждение к синтезу сущностей и его обеспечение. Однако что если этот смысл не реализуется и ожидаемый синтез не наступает? Человек в любви ко второй сущности может познавать ее из самых различных и многочисленных источников, но только один наиболее достоверный остается пока недоступным — сама вторая сущность. Первая сущность вне синтеза со второй не в состоянии познать ее внутреннее содержание. Образно говоря, она может видеть только ее форму, оболочку. Поэтому такая любовь буквально поверхностна, даже несмотря на отчаянное и самоотверженное усердие первой сущности к познанию, и такой любви еще недостаточно, чтобы начать созидательный диалог со второй сущностью. Такая любовь называется влюбленностью.

Незнание влюбленного человека о внутреннем содержании объекта любви неизбежно компенсируется собственными представлениями о нем. Очевидно, суррогатное знание необъективно, и потому, вообще говоря, оно не способствует предполагаемому синтезу сущностей, а порой даже препятствует ему. Да, действительно, влюбленный видит нечто родное, близкое и уже, казалось бы, абсолютно понятное ему в объекте любви, отчего он наделяется им особой ценностью. Ведь нет уже ничего наиболее подходящего, в чем можно было бы максимально и непринужденно реализовать себя посредством синтеза, и потому ничто иное уже не может быть так притягательным и желанным.

Реально же влюбленный видит в желанном объекте только лишь свои представления о нем. Они могут быть сугубо субъективными либо претендующими на объективность, но отнюдь не достаточными для совершения синтеза. Между тем томительное ожидание развязки усиливает внутреннее напряжение, характерное для любого влюбленного человека. Как же получить недостающее знание? Все просто. Влюбленность ведет к близости вплоть до прикосновения, и когда этот момент настанет, нужно просто начать диалог.

Язычество

Влюбленность иллюзорна. Тем не менее она является предвестником объективного познания. Ее главная функция — выбор второй сущности и сближение с ней, для чего совершенно неважно, субъективна ли привлекательность второй сущности и обусловлена ли она только лишь представлением первой сущности (влюбленного) о познаваемом объекте. Конечно, в силу иллюзорности влюбленность не способствует ожидаемому синтезу сущностей, однако ей не следует придавать негативный оттенок. Более того, влюбленность выявляет удивительную особенность человеческого восприятия, а именно оживление, одушевление и персонификацию внешнего мира, что фактически является проекцией содержания внутренней природы человека на явления и объекты внешней природы и в чем, конечно же, явно распознаются языческие мотивы.

Язычество присуще любому человеку. Посредством язычества человек общается с окружающим миром, который он еще не знает, не понимает, не способен (или не желает) понять. Помимо влюбленности, частными проявлениями очеловечивания внешней природы являются, например, сказки,

реклама, фетишизм, а также ... ортодоксальная вера. Действительно, ведь именно вера персонифицирует Бога, оттого у каждого верующего Он свой. Даже если формально конфессия проповедует единого Бога, и форма Его едина, то фактически каждый верующий вкладывает в эту форму свое собственное содержание. В этом смысле формальный монотеизм является фактически завуалированным политеизмом.

Язычество неискоренимо как неисчерпаем внутренний человеческий мир, который, непрерывно отражаясь во внешнем мире, формирует оценочное отношение к нему. Таким образом, все, что окружает нас, либо располагает к себе, либо нет. Между тем симпатия формирует влечение ко всему тому, в чем мы видим себя. Не просто как собственное отражение, но как наиболее и естественно возможное воплощение. Видение человеком своего внутреннего мира во внешнем предопределяет его выбор второй сущности, его готовность начать с нею диалог, и главным критерием в таком выборе является красота.

Красота

Если Бог — это действие, то хотя бы потенциально он пребывает в каждом из нас. Однако благосклонен Он только к тому, кто живет Им, кто позволяет жить Ему. Бог — вне отношений к Нему, Он — вне вопроса: верят в Него или нет? Он благосклонен прежде всего к создающему, творческому человеку. И этот человек, в свою очередь, всеми чувствами явно ощущает Его присутствие. С Богом человек полноценен и состоятелен.

Бог — необходимое условие в рождении третьей (новой) сущности и ее божественный атрибут притягателен. Наиболее ценна она для мастера, демиурга, художника, выступающего в формуле $1 + 2 = 3$ в роли первого слагаемого. Поскольку в третьей сущности есть часть его, то через нее он может воспроизводить то восторженное состояние, которое испытывал, находясь в объятиях божественного. Когда еще неосознанно был счастлив, осознание чего, однако, приходит только после рождения третьей сущности.

Волнующе трепетное состояние, вызываемое новой третьей сущностью, может испытывать иной человек, не вовлекаемый ранее в ее рождение. Очевидно, это возможно лишь в том случае, если он когда-то испытывал нечто подобное как непосредственный участник синтеза. Так ощущение божест-

венного может передаваться от человека к человеку, а вызываемое третьей сущностью ощущение божественного (счастье) есть именно то, что обычно называют красотой. Красота — это напоминание Бога, пережитого хотя бы однажды. Объект красив, если он пробуждает чувства божественного прикосновения.

Третья сущность обладает красотой по определению. Во всяком случае, она является напоминанием Бога ее создателю. Третья сущность красива, потому как способна ввергать тебя в состояние, испытываемое тобой ранее, находясь когда-то в творческом процессе познания природы, т.е. в любви, в процессе синтеза с ней, т.е. когда ты был вынужденно счастлив и свободен, вынужденный своей индивидуальностью и особыми обстоятельствами. Впрочем, красота может быть присуще и сторонним объектам, которые лишь побочно участвуют в божественном промысле, но в то же время неотъемлемо создают мистический антураж.

Третья сущность вместо Бога

Красотой обладает форма. Форма третьей сущности, которая пробуждает чувства счастья, пережитого однажды, напоминает о пережитом божественном деянии, и ценность ее тем выше, чем ярче в памяти впечатления от пережитого. Следовательно, красота не абсолютна, и зависит от индивидуального опыта прикосновения к Богу.

Между тем люди, не знающие и не стремящиеся познать, что в действительности есть Он, ищут только лишь ее, эту третью сущность, минуя религию. Они ищут лишь Его результат, не включаясь в арифметическую формулу $1 + 2 = 3$. Поиск третьей сущности фактически обращается в погоню за новизной. Однако каждая найденная третья сущность не приносит духовного удовлетворения, разве что мгновения, поскольку она привносится извне и не является результатом собственного сакрального деяния. Следовательно, находка становится не столь ценной, сколь искомое. Люди, отрешенные от божественного, придают всему новому, совершенно непричастному к ним, неоправданно большое значение. Их мотив вполне очевиден — это обретение некоего счастья, возможное в их понимании лишь через материальное благополучие. Так, не понимая, что счастье не есть коллекция третьих сущностей, они в итоге получают его суррогат.

Через третьих существ в погоне за новизной вносит в быт и сознание человека некий круговорот, который воспринимается как бурная и насыщенная жизнь, что в действительности есть лишь ее имитация. К тому же, непонятно, чья, собственно, жизнь воспроизводится, ведь в ней нет ничего личного для того, кто ее проживает.

Человеку вне творчества в силу своей ущербности остается просто намеренно погружать себя в нечто новое извне, что бы могло вывести его из одной мертвой точки в другую, из одного состояния покоя в следующее. Так, искусственно создаваемая динамика внешняя провоцирует динамику внутреннюю, как солнечный свет, воздух и грунт определяют температурную динамику столетия неподвижно лежащего камня.

Жизнь-аттракцион

Приобретаемая извне новизна изменяет окружающую среду, и адаптация к ней временно пробуждает и оживляет мироощущение человека. Однако, поскольку она фактически не представляет собой особой ценности и родственная связь с ней отсутствует, к новизне быстро наступает привыкание и внутренняя динамика сходит на нет. Поэтому такая импульсивная имитация жизни всегда скоротечна, хотя может быть и очень яркой.

Привлекательность искусственно вызываемой внутренней динамики состоит не столько в скорости изменения воспринимаемого внешнего мира, сколько в изменчивом ускорении, так как именно оно является причиной нерегулярных инерциальных сил, которые непосредственно выводят внутренний мир из состояния угнетаемого покоя.

Инерциальные силы создают легкие, но вполне достаточные нагрузки на организм, точнее, на его органы чувств, которые в целом воспроизводят ощущение динамичной жизни, что в действительности есть просто ответная реакция на динамику окружающей среды. Эти ощущения чаще приятные, реже нет. Так или иначе, отчаянное стремление к ним обусловлено только лишь тем, чтобы засвидетельствовать наличие полноценной жизни, в то время когда внутренняя мотивация отсутствует.

Инерциальные силы — вот, что доставляет нам удовольствие от качелей, каруселей и американских горок, чем, собственно, и притягательны аттракционы. Увлечения и мании: туризм, театр, кино, новости, спорт, экстрим, а также

чтиво, секс, алкоголь, кревоугодие, — все это человек нарочито нагнетает извне, дабы лишь придать импульс своему внутреннему миру, чтобы хотя бы на некоторое время привести его в движение. Однако, как только аттракцион заканчивается, состояние угнетаемого покоя неизбежно возвращается.

Жизнь как аттракцион, безусловно, яркая, бурная и деятельная. Однако она абсолютно бестолковая и бессмысленная. Она без Бога, чем и порочна. Поэтому в ней нет ни счастья, ни свободы, ни любви. Потому она неотвратимо обречена на забвение.

Смысл жизни

Из всех суждений выше постепенно выкристаллизовывается ответ на извечный вопрос человека: в чем смысл жизни? Смысл как раз состоит в максимальной самореализации с целью преодоления имманентных пространственно-временных ограничений через любовь и свободу, дабы этот процесс продлевает и расширяет рамки человеческой сущности. Для человека, очевидно, этот смысл неисчерпаем. Процесс реализации этого смысла и есть Бог. Бог — это движение. Движение — это жизнь, целенаправленная и творческая: без Бога жизнь человека, жизнь человеческая невозможна.

Человек пытается созидать себя везде и во всем. Нет ничего более естественного для человека, как воспроизводить самого себя. Особый объект внешней природы для человека — это другой человек. Отрадно находить себя в других людях, видеть свое духовное отражение. Это вызывает взаимный интерес друг к другу, взаимопознание, взаимопроникновение, понимание, но в высшей степени любовь. Взаимный интерес объединяет нас, связывает одной судьбой. Каждый становится гармоничной и в то же время значимой частью одного духовно связанного союза: семьи, социальной группы, общества, народа или нации; и это объединяющее нас действие есть тот самый божественный синтез.

В частности, нация как духовно связанный союз становится глобальным субъектом, на который переносится общий смысл каждого его элемента. Это максимальная реализация, экспансия с целью запечатления и увековечивания в мировой истории. Нация только тогда осуществляет свой смысл, когда стремится стать образцовой. Именно это формирует национальную идею,

роль которой состоит в интеграции с другими нациями. Так, национальные идеи связывают все человечество.

Нетрудно понять теперь, что человечество как объединение наций перенимает общий смысл жизни каждого человека. Однако уже его максимальная реализация возможна лишь в интеграции с внешней природой, с вселенной, что предполагает проникновенное познание мира и вселенскую любовь. В этом истинный смысл человечества.

Что есть Дьявол?

Когда дан ответ на вопрос: что есть Бог? — логично назревает иной, не менее фундаментальный вопрос: что есть Дьявол? Впрочем, ответ на него к настоящему моменту уже оказывается совершенно очевидным. Дьявол как противоположность Бога — это деструктивное действие человека, лишаящее формы, содержания и жизни.

Если арифметическая формула Бога — $1 + 2 = 3$, то по аналогии формула Дьявола обратная — $3 - 1 = 2$. Как видно, схожесть Дьявола и Бога состоит в том, что оба они — действия первой сущности, направленные на природную сущность. Поэтому, если побуждающая причина и конечный результат действия человека не ясны, очень сложно определить, что есть что. Более того, божественный промысел может трансформироваться в дьявольский и наоборот. Ведь хорошо известно, что даже конструктивные мотивы могут привести к деструкциям.

Нужно иметь мудрость и богатый жизненный опыт, чтобы узреть дьявольские последствия своих действий. Для того и должны мы знать, а не верить, что есть Бог.

май 12 г. – октябрь 15 г.

Томск